

УДК 343.326

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).94-102

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ИРАКЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА**С.М. Кочои¹, Х.А. Хасан²**¹ *Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация*² *Институт государственного управления и управления природными ресурсами Университета Чармо, г. Сулеймания, Республика Ирак***Информация о статье**

Дата поступления

18 февраля 2018 г.

Дата принятия в печать

21 января 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 февраля 2019 г.

Ключевые слова

Терроризм; акты терроризма; «Исламское государство»; Ирак; смертная казнь

Финансирование

Исследование проводилось при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР в рамках базовой части проекта № 29.4916.2017/8.9 «Уголовно-правовая политика противодействия терроризму: генезис, состояние и перспективы»

Аннотация. После нескольких лет войны против международной террористической организации «Исламское государство» антитеррористическим коалициям, возглавляемым РФ и США, в 2017 г. удалось склонить чашу весов в свою сторону. Тому, как в разных государствах ведется борьба против наиболее известной международной террористической организации современности, посвящено немало исследований. Правда, как отмечают западные криминологи (Alex Braithwaite, Shane D. Johnson), имеется крайне мало эмпирических работ, в которых рассматриваются причины спада и роста террористической активности, а также возникновения и исчезновения горячих точек в самом Ираке в ходе прошедшей там военной кампании США. В целом, как показал обзор (Gary LaFree, Joshua D. Freilich) более чем 20 тыс. статей о терроризме, опубликованных в период с 1971 по 2004 г., лишь семь из них представляли собой эмпирическое (криминологическое) исследование, тогда как остальные были посвящены психологии терроризма. Однако в последние годы ситуация стала меняться в связи с появлением большего количества эмпирических (криминологических и уголовно-правовых) исследований терроризма, что обусловлено ростом финансирования таких исследований со стороны национальных научных фондов и государственных ведомств (в США, например, это Департамент национальной безопасности и Министерство обороны). Так, в течение последнего десятилетия в США ежегодно издавалось более 100 книг, посвященных подобным исследованиям. Что касается российской уголовно-правовой науки, то настоящая статья является одной из немногих, посвященных борьбе против терроризма на родине «Исламского государства» — в Ираке. В ней проанализировано антитеррористическое законодательство Ирака, в частности Закон № 13 2005 г., обращено внимание на содержащееся в нем чрезмерно широкое определение терроризма, сделан вывод о несовместимости с принципом законности положения об аналогии, содержащегося в данном законе, высказано мнение о том, что данный нормативный акт является одним из наиболее суровых антитеррористических законов в мире. Важным направлением борьбы с терроризмом названо решение иракских властей о создании специального трибунала по рассмотрению преступлений террористов, в частности геноцида в отношении езидов, а также уголовное преследование за пределами Ирака, в том числе в России, виновных в их совершении. Обоснован вывод о том, что совершенные террористами преступления против «неверных», квалифицируемые многими специалистами и международными организациями как преступления против мира и человечности, должны стать предметом разбирательства главным образом независимого судебного органа международного сообщества.

COUNTERING TERRORISM IN IRAQ: LAW AND PRACTICE**Samvel M. Kochoi¹, Hunar A. Hasan²**¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation*² *College of Public Administration and Natural Resources Management, Charmo University, Sulaymaniyah, Kurdistan region, Federal Republic of Iraq***Article info**

Received

2018 February 18

Abstract. After several years of fighting the international terrorist organization «Islamic State», the anti-terrorist coalitions headed by the Russian Federation and the USA managed to tip the scale in their favor in 2017. There is extensive research on how different countries counteract this most well-known of all modern international

Accepted
2019 January 21
Available online
2019 February 26

Keywords

Terrorism; acts of terrorism; «Islamic State»; Iraq; death penalty

Acknowledgements

Research was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as the state task for research within the basic part of Project № 29.4916.2017/8.9 «Criminal Law Policy against Terrorism: Genesis, State and Prospects»

terrorist organizations. However, as Western criminologists note (Alex Braithwaite, Shane D. Johnson), there are very few empirical works that study the causes of decline and growth of terrorist activities as well as the emergence and disappearance of hot spots in Iraq itself during the American military campaign. On the whole, the overview of publications has revealed (Gary LaFree, Joshua D. Freilich) that out of over than 20 thousand articles on terrorism published between 1971 and 2004, only seven were devoted to empirical (criminological) research, while others dealt with the psychology of terrorism. The situation started to change in recent years and a large number of empirical (criminological and criminal law) studies of terrorism has been published, which is connected with the growing financial support of such research by national research foundations and state departments (for example, the Department of Homeland Security and the Department of Defense in the USA). Thus, about 100 books devoted to such studies have been annually published in the USA in the last decade. As for Russian criminal law policy, this article is one of the few devoted to countering terrorism in the motherland of «Islamic State» – in Iraq. The authors analyze Iraqi anti-terrorism legislation, in particular, Law № 13 of 2005, draw attention to an excessively wide definition of terrorism that it contains, conclude that its clause of analogy is incompatible with the principle of legality and argue that this normative act is one of the most drastic anti-terrorism laws in the world. The authors believe that an important direction in fighting terrorism is the decision of Iraqi authorities to establish a special tribunal for terrorist crimes, such as genocide against the Yazidis, and criminal prosecution of perpetrators who are outside Iraq, including those in Russian territory. They prove that the terrorist crimes against «infidels», qualified by many specialists and international organizations as crimes against peace and humanity, should mainly be the subject of proceedings in an independent court body of the international community.

Терроризм как глобальная угроза имеет не только свою историю возникновения, но и географию происхождения. Первая в мире террористическая организация — миллиардер, организация, создавшая свое «государство» (квазигосударство), берет свое начало на территории Республики Ирак [1; 2; 3, с. 5]. Одним из ранних названий этой организации было «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Затем она несколько раз меняла свои названия, наиболее известными из которых теперь считаются «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и нынешнее — «Исламское государство» (ИГ)¹.

Летом 2014 г. террористы объявили о создании халифата на захваченных землях Ирака и Сирии [4, с. 102; 5, с. 190]. Территория этого квазигосударства в тот момент превышала территорию ряда европейских государств, а его население составляло почти 10 млн чел. В конце 2017 г. ИГ понесло ощутимые потери в результате ударов антитеррористических коалиций государств во главе с РФ и США, в результате чего потеряло почти все ранее захваченные территории в Ираке и большинство территорий, захваченных в Сирии.

Безусловно, одной из главных причин появления террористических организаций в Ираке и одновременно с этим — террористической угрозы для всего региона, да и мира в целом, были действия властей США [6, с. 409–410; 7, с. 82].

¹ Организация запрещена в России.

Еще в 2008 г. западные криминологи предупреждали, что поспешный вывод войск США из Ирака позволит салафитским террористам использовать территорию страны в качестве плацдарма для атак на Сирию и другие государства региона. Кроме того, беженцы из Ирака могут распространять терроризм по всему миру, радикализировать население соседних государств, поощрять беспорядки и нестабильность на всем Ближнем Востоке. Вывод американских войск, отмечали криминологи, увеличит оперативную свободу террористов в Ираке, даст им возможность безнаказанно вербовать и обучать новых террористов, планировать новые террористические акты. США, как известно, проигнорировали рекомендацию не выводить войска из Ирака, не оставив после себя стабильного иракского правительства, или в случае вывода войск хотя бы сохранять военное присутствие в регионе [8]. В итоге возникший в Ираке вакуум власти был заполнен террористами-джихадистами.

Несмотря на сложную политическую и военную обстановку, новые власти Ирака в противодействии терроризму отдают предпочтение правовым средствам. В частности, для борьбы с терроризмом, угроза которого исходит главным образом от ИГ, в Ираке создано в целом эффективное антитеррористическое законодательство, которое включает нормы Конституции, УК и профильного закона.

Согласно Преамбуле Конституции Республики Ирак 2005 г., искоренение терроризма является одним из этапов формирования в стране демократической системы. Продолжая эту идею, ст. 7 Конституции гласит, что иракское государство «привержено борьбе с терроризмом во всех его проявлениях» [9, с. 9].

УК Ирака был принят в 1969 г. и после свержения режима Саддама Хусейна продолжает с некоторыми изменениями действовать по сей день [10], а профильный нормативный правовой акт, состоящий всего из шести статей «Антитеррористический закон» (Закон № 13), был подписан новым президентом Ирака Джалалом Талабани 7 ноября 2005 г.²

Согласно ст. 1 Закона № 13, под *терроризмом* понимается «любое уголовно-правовое деяние, совершенное единолично или группой лиц, официальной или неофициальной организацией, причинившее ущерб публичной или частной собственности, с целью нарушить мир, стабильность и национальное единство или вызвать ужас и страх среди населения и создать хаос для достижения террористических целей».

Данное определение терроризма, следует сказать, вызывает справедливую критику международных организаций из-за чрезмерно широкого охвата деяний, подпадающих под него.

Еще больше оснований для критики дают последующие нормы Закона № 13, в частности ст. 2, в которой в восьми пунктах перечислены деяния, определяемые как *акты терроризма*. В данной норме среди обязательных признаков актов терроризма нет целей (террористических), зато названы «террористические мотивы». Например, актом терроризма считается «вооруженное нападение на армию или полицейские участки, волонтерские центры, офисы служб безопасности, нападение на национальные вооруженные силы или их подкрепления, линии связи или их лагеря или базы с террористическим мотивом». Аналогичным образом квалифицируется вооруженное нападение «с террористическим мотивом на посольства или дипломатические учреждения на всей территории Ирака, а также иракские учреждения, иностранные или арабские компании или учреждения либо правительственные или неправительственные или международные организации, действующие в

² Anti-Terrorism_Law. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Iraq/IQ_Anti-Terrorism_Law.pdf. Русский перевод закона сделан авторами настоящей статьи.

Ираке в соответствии с действующими соглашениями». Кроме того, террористические мотивы являются обязательными при квалификации как акта терроризма «использования взрывных или зажигательных устройств, предназначенных для убийства людей и обладающих способностью для этого, или распространения страха путем выброса или распространения ядовитых химических или ядовитых агентов или подобных радиоактивных материалов или токсинов».

В отдельных случаях к актам терроризма причислены деяния безотносительно к мотивам и целям их совершения. Например, это «насилие или угрозы, которые направлены на то, чтобы вызвать страх среди людей или поставить в опасность их жизнь, свободу и безопасность, а также их деньги и имущество для нанесения ущерба независимо от мотивов или целей, которые имеют место при совершении террористического акта, организованного индивидуально или коллективно».

В других случаях в качестве обязательного признака акта терроризма названы цели:

– «подрыв безопасности или стабильности» (в случае применения насилия или угроз для саботажа или аварий, разрушения или повреждения зданий, правительственных учреждений, государственных ведомств, частного сектора, предприятий коммунального обслуживания или публичных мест, включая попытки их занять или захватить или подвергнуть их опасности или воспрепятствовать их использованию для цели, ради которой они предназначены);

– «политические, религиозные, сектантские, этнические, расовые» (в случае похищения или лишения свободы физических лиц либо их задержания для вымогательства денег, если это угрожает безопасности и национальному единству и содействует терроризму).

Наконец, к актам терроризма Закон № 13 относит деяния, представляющие собой, по сути, общеуголовные преступления, например использование насилия или угроз для разжигания межрелигиозной розни или гражданской войны или религиозных распри, а также вооружение для этого граждан или поощрение их вооружаться или подстрекательство к этому или финансирование указанных действий.

Во всех перечисленных случаях наказуемо не только совершение акта терроризма, но и организация вооруженной террористической группы, руководство ею или участие в ней лица, которое осуществляло или планировало терроризм, а также способствовало этому акту или участвовало в нем.

Давая характеристику «Антитеррористического закона» Ирака, нельзя не отметить то обстоятельство, что он содержит также определение *преступлений против государственной безопасности*, которые могут быть совершены с теми же мотивами, что и акты терроризма. Так, перечисляя конкретные деяния, которые рассматриваются как преступления против государственной безопасности, ст. 3 Закона № 13 называет «любые действия с террористическими мотивами, которые ставят под угрозу национальное единство и безопасность общества и влияют на государственную безопасность и ее стабильность или ослабляют службы безопасности». Правда, здесь специально оговаривается, что данное положение не распространяется на случаи выражения свободы слова, гарантированной законом.

Преступлением против государственной безопасности является, но уже безотносительно к мотивам и целям, также «любое действие, которое включает попытку применения силы или насилия для свержения режима или формы правления, закрепленных в Конституции». Подобная квалификация имеет место также в отношении действий любого, кто «пытается подстрекать вооруженное восстание против власти, установленной в соответствии с Конституцией, или участвует в заговоре или преступной группе, сформированной для такой же цели».

Необходимо подчеркнуть, что Закон № 13 не содержит исчерпывающего перечня актов терроризма и преступлений против государственной безопасности. Согласно ст. 6, положения действующего уголовного законодательства «применяются ко всем ситуациям, не оговоренным в настоящем Законе». Таким образом, по сути, Закон № 13 допускает аналогию, что, как мы полагаем, вредит установлению законности в Ираке.

Помимо всего прочего, рассматриваемый нормативный акт, пожалуй, можно считать одним из наиболее суровых в мире, о чем свидетельствует и наказание, предусмотренное за совершение актов терроризма. Закон № 13 предусматривает альтернативно смертную казнь для «главного исполнителя или участника» любого террористического деяния, указанного в ст. 2 и 3 настоящего закона. При этом лицу, которое подстрекает, планирует, финансирует или оказывает помощь террористам в совершении преступлений, указанных в этом законе, грозит такое же наказание, что и основному преступнику.

Чуть «мягче» наказывается лицо, которое «намеренно скрывает любой террористический акт или укрывает террориста с целью сокрытия террористического акта». Оно приговаривается к пожизненному заключению.

Наряду с этим Закон № 13 (ст. 5) предусматривает для виновного лица возможность как освобождения от наказания, так и смягчения наказания. В частности, лицо, которое предоставляет компетентным органам до обнаружения преступления или при его планировании информацию, способствующую аресту преступников, или предотвращает совершение террористического акта, должно быть помиловано.

Информация, добровольно предоставляемая лицом компетентным органам после совершения преступления до или после того, как она стала известна властям и прежде чем лицо будет арестовано, которая приводит к аресту других участников, считается смягчающим обстоятельством при назначении наказания за акт терроризма. В таком случае назначается лишение свободы.

Как показывают опубликованные данные³, смертная казнь в Ираке не только формально предусмотрена антитеррористическим законодательством, но также реально назначается и довольно часто приводится в исполнение. Так, по данным Управления тюремной реформы Министерства юстиции Ирака, по состоянию на август 2014 г. смертные приговоры были вынесены 1 724 заключенным (среди которых 1 699 мужчин и 25 женщин). Комитет по правам человека ООН подтвердил, что в ноябре 2015 г. было около 1 700 заключенных-смертников, а в 2016 г. правозащитники сообщили, что только за первые шесть недель 2016 г. иракские суды вынесли по меньшей мере 92 смертных приговора.

Из приведенных выше источников достоверно известно, что в Ираке в 2017 г. было исполнено не менее 111 казней, в 2016 г. — 101 казнь, однако самое большое количество казней имело место в 2013 г. — не менее 169. Этот показатель является самым высоким начиная с 2007 г. Однако следует иметь в виду, что число смертных приговоров, ежегодно выносимых в Ираке, ранее было еще выше — оно колебалось от 250 до 600 за пять лет до 2012 г.

В дополнение к изложенному следует сказать, что, по данным Министерства юстиции автономного Курдского района, по состоянию

³ Cornell Law School. Cornell Center on the Death Penalty Worldwide. URL: <http://www.deathpenaltyworldwide.org/country-search-post.cfm?country=Iraq#f46-3>.

на апрель 2014 г. в этом иракском регионе находились 82 заключенных, приговоренных к смертной казни, при этом трое были казнены в августе 2015 г.

Здесь необходимо разъяснить, что Ирак, согласно Конституции, представляет собой федеративное государство [11, с. 136; 12, с. 71–73], субъектом которого является Курдский район (в литературе и СМИ именуемый Иракским Курдистаном; он включает три северо-восточные провинции Ирака — Эрбиль, Дохук и Сулейманию с населением почти 5 млн чел.). Парламент Курдского района принимает свои собственные уголовные законы и поправки к уголовному законодательству Ирака. В 2006 г. Курдский район принял антитеррористический закон (закон «О борьбе с терроризмом»), предусматривающий смертную казнь за членство в террористических организациях, а также за пособничество террористам при въезде в Курдский район или выезде из него. При этом следует иметь в виду, что на части территории района, которая подконтрольна одной из двух правящих в нем партий — Патристическому союзу Курдистана — в провинции Сулеймания, смертная казнь не применяется, поскольку названная партия является принципиальным противником данного наказания.

Интересно, что курдские официальные лица принятие собственного антитеррористического закона объясняют «мягкостью» федерального, общеиракского законодательства: «Наказания в Уголовном кодексе Ирака снисходительны по сравнению с теми, которые предусмотрены в законе (курдском) о терроризме... Например, иракское законодательство не наказывает тех, кто разжигает ненависть и экстремизм или публикует в СМИ материалы с экстремистскими идеологиями. Именно поэтому здесь был принят закон «О борьбе с терроризмом» в целях противодействия слабостям иракского законодательства... Уголовный кодекс Ирака не так жесток, потому что он был разработан в 1969 году, когда терроризм не был такой большой проблемой, как сегодня... Без этого закона Иракский Курдистан не может должным образом бороться с терроризмом»⁴.

Важно заметить, что курдский закон был принят сроком на два года с последующим продлением на очередные два года. Последний раз действие данного закона было продлено в 2014 г. Однако в 2016 г. в связи с конституцион-

⁴ Iraqi Kurdistan's Terrorism Law Expires, Leaving Extremists in Legal Limbo. URL: <http://www.niqash.org/en/articles/security/5311>.

ным кризисом в Курдском районе и спорами о том, кто должен быть его президентом, работа парламента была приостановлена. Соответственно, формально продлевать действие курдского антитеррористического закона никто не может.

В данной ситуации, как мы полагаем, наиболее правильным решением стало бы применение иракского «Антитеррористического закона» вместо курдского закона. Это — федеральный закон, и в таком качестве он подлежит применению на территории всей страны. Однако существует традиция утверждения федеральных законов до их использования в Иракском Курдистане местным парламентом, который, как уже было показано, фактически не работает. Имеется информация о том, что Совет Шуры (совещательный общественный орган) Курдского района вмешивается в ситуацию и вынесет решение о том, что нет возражений, чтобы использовать в Курдистане этот закон без одобрения местного парламента.

Следует признать, что курдские власти в борьбе с терроризмом добились больших успехов, чем федеральные. Жесткие полицейские меры, на что обращают внимание также западные криминологи [13], дали положительные результаты. Все годы войны против терроризма Курдский район оставался в Ираке оазисом спокойствия и безопасности. В таком случае курдский опыт противодействия терроризму, в том числе законодательный, имеет смысл распространить на весь Ирак. Однако нельзя исключить и другое объяснение «успехов» курдов в борьбе против ИГ — возможный сговор курдского лидера Барзани и ИГ, своеобразный «пакт» о ненападении или разделе сфер влияния, поскольку курды являются суннитами, а ИГ — организация мусульман-суннитов. В этой связи следует напомнить, что основным удар ИГ в Ираке наносит мусульманам-шиитам и немусульманам, в первую очередь езидам и христианам [14, с. 99]. Стоит также отметить, что самый крупный теракт в истории Ирака ИГ совершило именно против езидов: 14 августа 2007 г. в результате подрыва бензовоза в многолюдном езидском селении погибло почти 800 чел. [15].

Таким образом, в борьбе против терроризма и его основного источника — ИГ иракские власти используют преимущественно репрессии. Как отмечает британский криминолог Барбара Хадсон, «война с террором привела к ограничению свободы граждан, жестокости и несправедливости» [16]. О «расплывчатых формулировках законодательства» и «широких полицейских пол-

номочиях», «пагубно влияющих на законность и соблюдение прав человека» в условиях борьбы с терроризмом, говорит также Дж. Леннон [17].

Однако оценка мер уголовно-правового противодействия терроризму в Ираке будет неполной, если оставить без внимания то обстоятельство, с каким террористическим монстром столкнулось это государство после вывода с его территории войск США и их союзников. Нельзя забывать, что ИГ войдет в историю не своими военными успехами, а тяжкими преступлениями против мирного населения: геноцидом, преступлениями против человечества (человечности) и военными преступлениями. Именно «Исламское государство» стало первой в мире террористической организацией, которую международное сообщество обвиняет в совершении преступления геноцида против этнической и религиозной группы езидов Ирака [18].

В этой связи, как мы полагаем, важным инструментом в борьбе против терроризма в Ираке должен стать специальный суд, который создан для рассмотрения дел о преступлении геноцида, совершенного террористами ИГ против езидов. Решение о создании специального трибунала по расследованию преступлений «Исламского государства» против езидов было принято в июне 2017 г. Высшим судебным советом Ирака⁵. Штаб трибунала разместится в провинции Ниневия в районе Баадж (езидский округ Шангал, ставший в 2014 г. целью геноцидальных атак террористов, также находится в провинции Ниневия). Вместе с тем крайне важно, чтобы мировое сообщество выполнило рекомендацию специальной Комиссии ООН по Сирии о передаче ситуации с езидами в Международный уголовный суд либо создало для этого специальный трибунал⁶. Полагаем, что обстоятельства, связанные с появлением ИГ, причины его военных успехов и, что особенно важно, совершенные террористами преступления против «неверных» должны стать предметом разбирательства главным образом независимого органа международного сообщества.

Наконец, поскольку на территории Ирака террористами-исламистами было совершено

множество тяжких преступлений, еще одним направлением в борьбе против терроризма и его последствий должно стать уголовное преследование этих лиц, в том числе после их бегства в те государства, уроженцами или гражданами которых они являются, включая государства Западной Европы, США и Россию. В этом смысле прецедентом должно стать (в том числе для российских спецслужб) решение правоохранительных органов ФРГ.

Федеральная прокуратура Германии в декабре 2016 г. впервые выдала международный ордер на арест одного из членов террористической организации «Исламское государство», обвиняемого в военных преступлениях и геноциде⁷. Федеральному ведомству по уголовным делам удалось, опросив многих жертв, идентифицировать высокопоставленного боевика ИГ, который, как предполагается, несет большую долю ответственности за порабощение тысяч езидских женщин и девочек на севере Ирака. Следует подчеркнуть, что среди иностранных членов ИГ имеются граждане почти 100 государств мира, в том числе Германии. Согласно данным германских спецслужб, с января 2012 г. по конец июня 2016 г. из ФРГ выехали или пытались выехать в Сирию и Ирак с «исламистской мотивацией» 784 чел., среди которых преобладают уроженцы Германии (61 %) и лица, придерживающиеся радикальной идеологии салафизма (79 %) [19].

Что касается граждан РФ, то необходимо отметить, что, согласно докладу консалтинговой компании Soufan Group (оказывающей консультации по безопасности) «За пределами халифата: иностранные бойцы и угроза их возвращения», по данным на март 2016 г. к ИГ примкнули 3 417 россиян. Это больше, чем в других государствах. Причем, по этим же данным, в Россию уже вернулись 400 воевавших за исламистов боевиков [20]. В этой связи нуждается в критическом анализе практика возвращения в Россию оказавшихся на территории халифата и арестованных иракскими (и сирийскими) властями жен и детей террористов — граждан РФ⁸.

⁷ Германия впервые выдала международный ордер на арест боевика ИГ. URL: https://newsstand.google.com/articles/CAIiEAwjbh14astOtjDWWbXaTB0qGQgEKhA1ACoHCAowwPehCTDUrpcCML_7vwM.

⁸ Чечня надеется, что за полгода удастся вернуть найденных в Ираке россиян // РИА Новости. 2017. 30 дек. URL: <https://newsstand.google.com/articles/CAIiELiMN6jOrVEFZZMQurVz9UYqFwgEKg8IACoHCAow27rsATCfpBlwyvkj>.

⁵ Ирак: в Ниневии создан трибунал по преступлениям ИГ против езидов. URL: https://newsstand.google.com/articles/CAIiENZAq_VAVIBPycPXu1aTK-0wqGQgEKhA1ACoHCAowt78CjCsokDMLq40AU.

⁶ They came to destroy: ISIS Crimes Against the Yazidis. URL: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/ColSyria/A_HRC_32_CRP.2_en.pdf.

По сообщениям российских СМИ, «около 100 женщин и детей вернулись на родину из Ирака и Сирии при содействии чеченских властей. Это жители Чечни, Дагестана, Ингушетии, Башкирии, Твери, Нижневартурска, а также граждане Казахстана и Узбекистана»⁹. По состоянию на конец 2017 г. в багдадской тюрьме все еще находились 68 россиянок и 108 детей. Все женщины старше 14 лет обвиняются в основном в терроризме и незаконном пересечении государственной границы Ирака.

Общеизвестно, что не только совершеннолетние террористы, но и их несовершеннолетние дети участвовали в преступных казнях «неверных». Среди террористов имелись женщины — снайперы и вербовщицы. Означает ли это, что в случае обнаружения у этих детей и женщин гражданства РФ нужно вступать в переговоры с властями Ирака с целью их благополучного вывоза в Россию?

В качестве примера возможно правильного ответа на такой же вопрос приведем историю француженки Эмили Кениг, которую ООН и США включили в списки наиболее разыскиваемых террористов по подозрению в вербовке боевиков для ИГ. 3 января 2018 г. она была арестована курдскими повстанцами, ведущими борьбу против ИГ. В лагере Кениг содержалась

⁹ Судьбу находящихся в багдадской тюрьме россиянок решит суд Ирака // РИА Новости. 2017. 20 дек. URL: <https://newsstand.google.com/articles/CAIiENTKdcRJR-4cPdGxfRPi55AlqFwgEKg8IACoHCAow27rsATCfpBlwyvkj>.

вместе с тремя детьми, которых она родила уже в Сирии. Узнав о ее задержании, ее мать во Франции заявила, что намерена обратиться к главе МИД Франции с просьбой способствовать репатриации дочери, которая просит прощения у «своей семьи, своих друзей и своей страны»¹⁰. В ответ на это представитель правительства Бенжамен Гриво заявил: «Французская Республика не возражает, если ее подозреваемых в терроризме гражданок будет судить суд сирийских курдов»¹¹.

Полагаем, что террористов из России за совершенные на территории Ирака преступления в составе ИГ должны судить не только российские, но и иракские суды. Попытки освободить их от ответственности без рассмотрения вопроса об их возможном участии/соучастии в совершении террористических преступлений, преступлений против мира или безопасности человечества, в том числе геноцида, способны подорвать авторитет России как принципиального и активного борца против международного терроризма.

¹⁰ La Lorientaise Émilie König, djihadiste française la plus recherchée, arrêtée en Syrie. URL: <https://www.ouest-france.fr/terrorisme/etat-islamique/la-lorientaise-emilie-konig-djihadiste-francaise-la-plus-recherchee-aurait-ete-arretee-5480841>.

¹¹ Париж оказался равнодушен к будущему джихадисток из Франции // РИА Новости. 2018. 1 апр. URL: <https://newsstand.google.com/articles/CAIiEB6joxaz-3ARvySctZZI9KAqGAgEKg8IACoHCAowpuXNATCT2ScwNWAQ>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Braithwaite A. Space-Time Modeling of Insurgency and Counterinsurgency in Iraq / A. Braithwaite, S.D. Johnson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28, iss. 1. — P. 31–48.
2. Lafree G. Editor's Introduction: Quantitative Approaches to the Study of Terrorism / G. Lafree, J.D. Freilich // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2011. — Vol. 28, iss. 1. — P. 1–5.
3. Долгов Б.В. «Исламское государство»: причины возникновения и перспективы / Б.В. Долгов // *Азия и Африка сегодня*. — 2016. — № 6 (707). — С. 2–10.
4. Громов В.Г. Возникновение «Исламского государства»: факторы успеха / В.Г. Громов, И.Г. Шонин // *Философия права*. — 2017. — № 1 (80). — С. 100–104.
5. Сюкияйнен Л.П. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате / Л.П. Сюкияйнен // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2016. — № 3. — С. 185–205.
6. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» — общее и особенное / Д.А. Нечитайло // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. — 2017. — Т. 6, № 3 (20). — С. 409–412.
7. Бочарников И.В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США / И.В. Бочарников // *Геополитический журнал*. — 2016. — № 1 (13). — С. 77–83.
8. Byman D.L. Iraq's Long-Term Impact on Jihadist Terrorism / D.L. Byman, K.M. Pollack // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. — 2008. — Vol. 618, iss. 1. — P. 55–68.
9. Кошкина Д.А. Конституционные нормы как элемент правовой борьбы с международным терроризмом / Д.А. Кошкина // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. — 2016. — № 4 (59). — С. 88–90.
10. Хасан Х.А.Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика Общей части / Х.А.Х. Хасан // *Актуальные проблемы российского права*. — 2014. — № 6 (43). — С. 1185–1188.
11. Гумбатов З.Э. Особенности федерализма в современном Ираке / З.Э. Гумбатов, В.Д. Камынин // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*. — 2018. — Т. 13, № 2 (176). — С. 135–142.
12. Сапронова М.А. Иракская Конституция в прошлом и настоящем: из истории конституционного развития Ирака / М.А. Сапронова. — М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2006. — 196 с.

13. Wozniak J. We are Going to Prove We Are a Civil and Developed Country: The Cultural Performance of Police Legitimacy and Empire in the Iraqi State / J. Wozniak // *The British Journal of Criminology*. — 2017. — Vol. 57, iss. 4. — P. 906–923.
14. Алои А.Н. Геноцид как тягчайшее преступление против человечества / А.Н. Алои // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 99–103.
15. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (август 2007 г.) [Электронный ресурс] / В.П. Юрченко. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-09-07b.htm>.
16. Hudson B. Justice in a Time of Terror / B. Hudson // *The British Journal of Criminology*. — 2009. — Vol. 49, iss. 5. — P. 702–717.
17. Lennon G. Precautionary Tales: Suspicionless Counter-Terrorism Stop and Search / G. Lennon // *Criminology & Criminal Justice*. — 2015. — Vol. 15, iss. 1. — P. 44–62.
18. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои // Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 61–72.
19. Рудковская Е. Причины выезда из Германии в Сирию и Ирак с исламистской мотивацией: положение в настоящий момент / Е. Рудковская // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 15-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–26 янв. 2018 г. — М., 2018. — С. 699–670.
20. Barrett R. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees [Electronic resource] / R. Barrett. — 2017. — Oct. — Mode of access: <http://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/10/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017.pdf>.

REFERENCES

1. Braithwaite A., Johnson S.D. Space-Time Modeling of Insurgency and Counterinsurgency in Iraq. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, iss. 1, pp. 31–48.
2. Lafree G., Freilich J.D. Editor's Introduction: Quantitative Approaches to the Study of Terrorism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2011, vol. 28, iss. 1, pp. 1–5.
3. Dolgov B.V. «Islamic State»: Its Origin and Prospects. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*, 2016, no. 6 (707), pp. 2–10. (In Russian).
4. Gromov V.G., Shonin I.G. The Emergence of «Islamic State»: Success Factors. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2017, no. 1 (80), pp. 100–104. (In Russian).
5. Syukiyaynen L.R. Islamic Legal Thought on Islamic State and Caliphate. *Pravo. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, no. 3, pp. 185–205. (In Russian).
6. Nechitailo D.A. «Al-Qaeda» and «Islamic State» — General and Special Features. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 409–412. (In Russian).
7. Bocharnikov I.V. The «Islamic State» Terrorist Group as a Logical Consequence of the USA Middle East Strategy. *Geopoliticheskii zhurnal = Geopolitics Journal*, 2016, no. 1 (13), pp. 77–83. (In Russian).
8. Byman D.L., Pollack K.M. Iraq's Long-Term Impact on Jihadist Terrorism. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 618, iss. 1, pp. 55–68.
9. Koshkina D.A. Constitutional Legal Regulations as an Element of the Legal Prevention of International Terrorism. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 4 (59), pp. 88–90. (In Russian).
10. Khasan Kh.A.Kh. Criminal code of the Republic of Iraq: description of the General part. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 6 (43), pp. 1185–1188. (In Russian).
11. Gumbatov Z.E., Kamynin V.D. Federalism in Modern Iraq. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3, Social Science*, 2018, vol. 13, no. 2 (176), pp. 135–142. (In Russian).
12. Sapronova M.A. *Irakskaya Konstitutsiya v proshlom i nastoyashchem: iz istorii konstitutsionnogo razvitiya Iraka* [Iraqi Constitution in the Past and the Present: from the History of Iraq's Constitutional Development]. Moscow, Institute of the Middle East Publ., 2006. 196 p.
13. Wozniak J. We are Going to Prove We are a Civil and Developed Country: The Cultural Performance of Police Legitimacy and Empire in the Iraqi State. *The British Journal of Criminology*, 2017, vol. 57, iss. 4, pp. 906–923.
14. Aloï A.N. Genocide as a Grave Crime Against Humanity. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 99–103. (In Russian).
15. Yurchenko V.P. *Voенно-politicheskaya obstanovka v Irake (avgust 2007 g.)* [Military and political situation in Iraq (August 2007)]. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-09-07b.htm>. (In Russian).
16. Hudson B. Justice in a Time of Terror. *The British Journal of Criminology*, 2009, vol. 49, iss. 5, pp. 702–717.
17. Lennon G. Precautionary Tales: Suspicionless Counter-Terrorism Stop and Search. *Criminology & Criminal Justice*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 44–62.
18. Kochoi S.M. «The Islamic State»: from Terrorism to Genocide. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2014, no. 12, pp. 61–72. (In Russian).
19. Rudkovskaya E. The Reasons for Leaving Germany for Syria and Iraq with Islamist Motivation: the Current Situation. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25–26 yanvarya 2018 g.* [Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century. Materials of the 15th International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 25–26, 2018]. Moscow, 2018, pp. 699–670. (In Russian).
20. Barrett R. *Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees*. Available at: <http://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/10/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочои Самвел Мамадович — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник юстиции России, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Хасан Хунар Амеен — декан Института государственного управления и управления природными ресурсами Университета Чармо, кандидат юридических наук, г. Сулеймания, Республика Ирак; e-mail: hunar.ameen@charmouniversity.org.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочои С.М. Борьба с терроризмом в Ираке: законодательство и практика / С.М. Кочои, Х.А. Хасан // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 94–102. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).94-102.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kochoi, Samvel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Honorary Worker of Russian Justice, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Hasan, Ameen H. — Dean, College of Public Administration and Natural Resources Management, Charmo University, Ph.D. in Law, Sulaymaniyah, Kurdistan Region, Federal Republic of Iraq; e-mail: hunar.ameen@charmouniversity.org.

FOR CITATION

Kochoi S.M., Hasan H.A. Countering terrorism in Iraq: law and practice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 94–102. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).94-102. (In Russian).